

улыбка сменялась глубоким удивлением, ведь победа совести над алчностью среди человеческих существ встречается нечасто! Автор показывает, что порок, казалось бы, полностью овладевший человеком, не всемогущ, его побеждает добро.

В рассказе «Момент действия» люди, силою обстоятельств поставленные в положение смертельных врагов, находят в себе силы задать немислимый на первый взгляд во время войны вопрос: «Зачем мы убиваем друг друга?». Лейтенанту

туациях, которые принято называть экстремальными, и можно увидеть, а точнее, почувствовать, как работает этот удивительный и странный механизм — человеческая судьба».

Рассказы, собранные в книге, разные по тематике и по настроению. В одних преобладают мотивы философские, в других лирические, иные полны иронии, какие-то приправлены щепоткой юмора. Объединяет же их «цепная реакция добра» — так автор называет эту «очевидную неочевидность», присущую лю-

дельно, существую» древние римляне произносили в не столь усечённом виде. Они говорили так: «Dubito, cogito ergo sum» — «Сомневаюсь, мыслю, следовательно, существую». Начало философии — сомнение — почему-то было опущено Декартом.

Вот и мы, ничуть не сомневаясь, говорим: *Аз есмь* — Я есть (подразумевая: стало быть, существую). Но осознаю ли я своё существование лишь в силу этого самого существования? Наверное, что-то подобное задал себе Паскаль, прочтя фразу

Введение в науку возвращения добра

Александр
Медведев

О книге рассказов Льва Кирищина «Всё возвращается»

Хачатуряну, спасшему пленного немца от преступной расправы, učinённый над ним тыповиком-интендантом, через многие годы возвращается добро, об этом говорится в следующем рассказе-продолжении «Момент возврата». «Никакой логикой невозможно было объяснить происшедшее. Просто мистика какая-то! Сын человека, спасённого им, лейтенантом Хачатуряном, более сорока пяти лет назад, спас в автокатастрофе жизнь его сына!

А «пленный» всё приближался и приближался, — описывает автор, произошедшую спустя почти полувека, встречу уже полковника Хачатуряна и «того самого пленного, которого он вёл за руку по заснеженной дороге». — Потом он подошёл почти вплотную к полковнику и сказал по-русски:

— Всё возвращается в этом мире! Всё возвращается!».

Давно было замечено, что по кругу движется многое, если не всё, но добро и зло движется только так.

«В жизни каждого человека, — делится Лев Кирищян, — порой происходят события, которые не объяснить ни логикой, ни случайноостью. Жизнь их преподносит, как правило, в своих самых крайних, самых жёстких проявлениях. Но именно в си-

дям нашей планеты, где бы они ни были: в сверкающих мегаполисах или высоко в горах, — добро, сочувствие и милосердие не имеют границ.

Лев Кирищян — учёный-аналитик, его удел точные науки, и можно сказать, написав эту книгу, он тем самым как бы создал своеобразное «Введение в науку возвращения добра», где-то прикровенно, а где-то в полный голос обозначил действие законов человечности в их круговом и бесконечном движении.

А ещё рассказы Льва Кирищина подспудно напоминают и о врождённой черте, присущей человеку. Её не может скрыть ни тончайший интеллект, ни высокий культурный уровень. Эта черта — неудовлетворённость, неизбежное состояние человека. Возникают всё время новые наблюдения, вызываемые чувствами, появляются новые взаимосвязи, схваченные мышлением. И вместе с тем, неудовлетворённость — а всё ли мной понято? всё ли я сделал правильно? — порождает сомнение в себе, своей деятельности, в общественном устройстве, да мало ли поводов усомниться предложит наш беспокойный ум?

Крылатую фразу Декарта «Cogito ergo sum» — «Я мыслю, следова-

Декарта? Задал иотреагировал: «Да, мыслю. Но какова эта мысль?». Паскаль видел существование человека не столько как таковое, но именно *одухотворённое* мышлю и исполненное *светом человечности*.

Упомянуть здесь философов побудил цикл рассказов «Уроки деда». В них дедушка по-сократовски с помощью наводящих вопросов преподавал внуку уроки мудрости. На примере животных учил не быть «белкой в колесе», не стремиться к эфемерным целям, не быть «попуаеом», разменяв свободу и достоинство на комфорт жизни в клетке.

Вспомнив комплимент-аванс, высказанный всем нам в незапамятные времена Жан-Жаком Руссо («Человек по природе добр»), признаем всё же, что, вероятно, на деле люди по природе своей мыслят себя чужаками, порой притягательными, порой отталкивающими. Человеку приходится обратиться вовне, чтобы на этом внешнем пути найти себя подлинного, увидеть свою глубину и попытаться её выразить. Каким образом? В науке, в спорте, в искусстве, в бизнесе...

Вообще, вопрос о своём существовании был бы странен, если не брать во внимание своё внутреннее становление, которое происходит отнюдь не синхронно нашему существованию и даже не определено им. Становление невозможно без рефлексии, когда мы пытаемся взглянуть на себя со стороны. Увидеть себя среди подобных себе, и тогда: *Есмь* уже не само по себе, *Я* начинаю подлинное существование и — превращается в *Мы*. Путь от *Я* к *Мы* и есть процесс понимания самого себя, принадлежащего миру людей. Выявляется этот путь уже при рассказе-истории — при обращении к пройденному, к прошлому.

Анастасии Астафьевой

О книге «Глафира и президент»

Эту повесть я бы поместил как завершающую сборник, ведь в ней можно помечтать: а что будет, если... «Глафира и президент» даёт ответы на многие вопросы, почему российская деревня так трудно живёт.

В рассказах Анастасии Астафьевой дорога — один из лейтмотивов. В наши отдалённые деревни надо ещё суметь добраться, и это часто настоящее испытание.

«Зимой дорога гладкая, ровная, укатанная колёсами. Заснеженный лес встает впереди высоким узким коридором. Дальний свет от фар автобуса разрывает темноту, блуждает по стене деревьев» («Бревно»)

Дорога — это и материальное, и путь героев к себе, к Истине. В рассказе с говорящим названием «Дальше дороги нет» пенсионерка Зинаида Петровна возвращается из райцентра в деревню, где её должен встретить супруг — «дед», но обнаруживает его на полпути чуть живого. Позвонить бы, позвать помощь, но не ловит мобильник на глухой лесной дороге. И в этот момент открывается Зинаиде Петровне другое — то, в чём надо искать спасение.

Уже упомянутом выше рассказе «Бревно» водитель-цыган с красивым именем Алмаз везёт на школьном автобусе дети-

шек, но дорогу за поворотом вдруг преграждает бревно, упавшее с лесовоза. Сколько бед от этих ухаерей, увозящих последнее добро — лес! Алмаз пытается развернуть автобус от бревна, но...

Проза Анастасии Астафьевой затягивает, погружает в детали, долго не отпускает.

«Дождь лил, не переставая, день будто и не настал — сумерки с утра до вечера, а в ночи темнеть такая, что выйди во двор без фонарика, отойди от дома на несколько шагов, протянув вперёд руки, и, кажется, схватишь эту густую, как кисель тьму, а она запырится, чавкнет и липко потечёт меж пальцев» («Бессонница»).

Непридуманные сцены из повседневности точно и тонко изображены в рассказах Анастасии Астафьевой, писатель заостряет конфликт и показывает безусловную ценность жизни каждого. Спасают героев дети — за ними будущее, как бы это банально не звучало.

Но дети приносят и проблемы. Вечный поколенческий конфликт находит отражение в рассказах «Всё на свалку», «Прин-

Артём ПОПОВ

цессы на горшине». «Счастье — это когда тебя понимают» — пишет в школьном сочинении герой одного известного советского фильма. У китайского философа Конфуция эта мысль звучит несколько по-иному: большое счастье — это когда тебя любят, настоящее счастье — это когда любишь ты.

Старики не понимают молодёжь, а молодёжь не принимает ценности старшего поколения и готовы выбросить их буквально на свалку. Как разрешить этот конфликт, Анастасия Астафьева пытается показать в своих новых рассказах.

И как же без юродивых, дурачков? Они и сегодня живут на виду в деревнях, в отличие от города, где всё скрыто за толстыми стенами квартир. Щемящий, жалостливый рассказ получился о чудике по имени Кириуша.

Побеждает все беды Любовь (вспомним приведенное изречение Конфуция): в ней герои Анастасии Астафьевой ищут спасение. Любовь к давно не любимому, казалось бы, мужу

«Негерои» и надежда на лучшее

О книге Ирины Иваськовой «Страна весны»

творённый «хвостик» советского застоя, они видели конвульсии умирающей огромной страны и вместе со своими растерянными родителями выживали в лихие 90-е, а когда более-менее начала восстанавливаться надежда на спокойную жизнь, столкнулись с COVID-19, специальной военной операцией, мобилизацией и другими испытаниями, на которые столь щедро наша неприветливая эпоха. Будто известное китайское проклятие про эпоху перемен адресовано именно нам.

Однако принцип автора — рассказывать не о событиях, которые всем и без того известны и деликатно остаются за кадром, а об их влиянии на людей: самых простых, негероических, по-лушкински-гоголевски-чеховски «маленьких». Из тех, что мы каждый день встречаем в своём подъезде, с которыми едем в переполненной маршрутке и стоим в очереди к кассам супермаркетов.

Зачастую крайне сложно рассмотреть, какие тектонические разломы происходят в душе человека, привычный и уютный мир которого под воздействием внешних, никак и ничем не контролируемых обстоятельств внезапно даёт крен и стремительно катится под откос, сколько горя может скрываться за потупленным взглядом или влажными глазами.

Ирине это удаётся, потому что она своих героев искренне любит и всей душой сочувствует и перипетиям их непутёвой жизни, пролетающей «быстро и горько», и каждому из них — без исключения: сочиняющей никому не нужной фэнтези-роман Елене Николаевне и бородатому мужчине в камуфляже, который вернулся домой, но всего-то на одну неделю («Страна весны»), безымянной беременной «старородке» и её говорливой соратнице по несчастью Веронике («Подозрительные вещи и забытые предметы»), убегающей от таинственной угрозы Кате и её матери, совсем как вкохнувшая насадка опекающей любимую дочь («Куриная слепота»).

Счастливых персонажей отыскать на страницах почти невозможно, но и назвать их поголовно несчастными неверно. Герои Иваськовой со своими радостями и бедами, исключительным рационализмом или лёгкой степенью безумия, смехом и рыданиями — плоть от плоти того самого российского среднего класса, который и составляет основную часть населения нашей гигантской страны. Они влюбляются и расстаются, изменяют и подпадают, спасают и предают — живут. И у каждого — своя история, свой щедрый внутренний мир, в который появилась возможность заглянуть читателю.

Каждая новелла в небольшой, но ёмкой книге — фрагмент объёмного живописного полотна, на котором автор, никого ни в чём не осуждая и не оправдывая, рисует эпизоды судеб не великих, но от этого ничуть не менее заслуживающих внимания людей. И делает это тонко и умно, выверенно, изящно и точно используя мелодику русского слова.

Как правило, писатель оставляет концовки рассказов открытыми. Будто выхватывает из пёстрой киноленты персонажных судеб галерею случайных кадров, показывает героя в моменте, а затем оставляет наедине с его неурядицами, понимая, что на смену решённой проблеме неизбежно придёт новая. На этом и основан жизненный круговорот или, говоря терминологией Иваськовой, «формула кру-

или вот такому странно-му Кириуше и, конечно, к своим родителям и детям. Любовь делает нас лучше, чище.

«А ещё Вероника хочет наконец заглянуть в глаза парню, и она уже сейчас догадывается, что увидит там не пустоту и тьму, а мысль и свет. И любовь. И тогда небо обнимет её, и будет у неё счастье, везна и жёлтые синицы». Они прилетят к ней из детских снов, вернутся вместе с утраченной радостью бытия, разгонят

небесную хмарь и подарят солнце» («Кириуша»).

Этот исцеляющий свет излучает вся книга Анастасии Астафьевой.

Остаётся добавить, что издание сопровождается логотип «Новые деревенщики»: Анастасия Викторовна — один из ярких лидеров этого направления в современном литературном процессе. И эта книга как нельзя лучше отражает его главные принципы.

а. Северодвинск

Сергей
Лёвин

«Негерои» и надежда на лучшее

О книге Ирины Иваськовой «Страна весны»

творённый «хвостик» советского застоя, они видели конвульсии умирающей огромной страны и вместе со своими растерянными родителями выживали в лихие 90-е, а когда более-менее начала восстанавливаться надежда на спокойную жизнь, столкнулись с COVID-19, специальной военной операцией, мобилизацией и другими испытаниями, на которые столь щедро наша неприветливая эпоха. Будто известное китайское проклятие про эпоху перемен адресовано именно нам.

Однако принцип автора — рассказывать не о событиях, которые всем и без того известны и деликатно остаются за кадром, а об их влиянии на людей: самых простых, негероических, по-лушкински-гоголевски-чеховски «маленьких». Из тех, что мы каждый день встречаем в своём подъезде, с которыми едем в переполненной маршрутке и стоим в очереди к кассам супермаркетов.

Зачастую крайне сложно рассмотреть, какие тектонические разломы происходят в душе человека, привычный и уютный мир которого под воздействием внешних, никак и ничем не контролируемых обстоятельств внезапно даёт крен и стремительно катится под откос, сколько горя может скрываться за потупленным взглядом или влажными глазами.

Ирине это удаётся, потому что она своих героев искренне любит и всей душой сочувствует и перипетиям их непутёвой жизни, пролетающей «быстро и горько», и каждому из них — без исключения: сочиняющей никому не нужной фэнтези-роман Елене Николаевне и бородатому мужчине в камуфляже, который вернулся домой, но всего-то на одну неделю («Страна весны»), безымянной беременной «старородке» и её говорливой соратнице по несчастью Веронике («Подозрительные вещи и забытые предметы»), убегающей от таинственной угрозы Кате и её матери, совсем как вкохнувшая насадка опекающей любимую дочь («Куриная слепота»).

Счастливых персонажей отыскать на страницах почти невозможно, но и назвать их поголовно несчастными неверно. Герои Иваськовой со своими радостями и бедами, исключительным рационализмом или лёгкой степенью безумия, смехом и рыданиями — плоть от плоти того самого российского среднего класса, который и составляет основную часть населения нашей гигантской страны. Они влюбляются и расстаются, изменяют и подпадают, спасают и предают — живут. И у каждого — своя история, свой щедрый внутренний мир, в который появилась возможность заглянуть читателю.

Каждая новелла в небольшой, но ёмкой книге — фрагмент объёмного живописного полотна, на котором автор, никого ни в чём не осуждая и не оправдывая, рисует эпизоды судеб не великих, но от этого ничуть не менее заслуживающих внимания людей. И делает это тонко и умно, выверенно, изящно и точно используя мелодику русского слова.

Как правило, писатель оставляет концовки рассказов открытыми. Будто выхватывает из пёстрой киноленты персонажных судеб галерею случайных кадров, показывает героя в моменте, а затем оставляет наедине с его неурядицами, понимая, что на смену решённой проблеме неизбежно придёт новая. На этом и основан жизненный круговорот или, говоря терминологией Иваськовой, «формула кру-

га», весь наш путь от рождения до заката, принцип которого схож с жёстким обучением плавать, когда тебя толкают с мостка в речной поток, а дальше как-нибудь сам: выплывёшь или нет — зависит только от тебя.

И очень хочется верить, что недотёпистая собачка Милка после встречи с отмороженными хулиганами останется такой же весёлой, живой и неведимой, Елена Николаевна завершит и даже выпустит свой роман, героиня «Подозрительных вещей» станет матерью прекрасного мальчишки с солнечным именем, а хмурый бородастый сосед в камуфляже, как и тысячи подобных ему мужчин, вернётся домой, к жене и дочке, к родным, которые его ждут.

Но мы понимаем, что всё не так однозначно... И в то же время наеемся на лучшее, ведь самый чёрный час — всегда перед рассветом, да и автор, отпуская своих «негероев» в самостоятельное плавание, желает им лишь добра, которого катастрофически не хватает в нашем жестокосердном мире.

и перекличка фамилий

О двух романах Николая Иванова

мана, пронзительный, как стихотворение в прозе, передающий мельчайшие детали быта одновременно с громадным геополитическим надлома: «Раздался телефонный звонок. Пока Серёга, опустошая чашку, держал трубку на весу, все расслышали:

— Это КГБ? Сидите? Ну-ну, недолго осталось. Ждите.

Щекомут нервы перед штурмом? Или уверовали в свою всемогущество? Где ГКЧП? Где аварийка, чёрт побери! И неужели у Серёги больше нет ничего в заашичника? А рыба в морозилке лежала всё-таки позаная...»

Начальник ТЭЦ сработал быстрее звонивших и удержавших. Контрразведчики, предав хлебозовку, в спешке побросали в жёлтый проём аварийки утрамбованные под завязку, опечатанные суручной печатью мешки. Через минуту им гореть в топке, а всё равно от инструкции ни на шаг. Если в Книге рекордов Гиннесса есть раздел «педантизм», то КГБ явно претендовал на первую строчку.

На воротах ТЭЦ встречал сам Борисыч — сухохонкий мужичок в тесноватом, е катышках на животе, пуловере. Серёге кивнул несколько раз, чем подтвердил свои какие-то преагрессия перед властью. На попутчиков, сидевших на мешках, лишь покосился: более всего осведомители опасаются расширять круг знакомств.

— Набо жежть, — кивнул на груз комитетчик. Инкул, поморщился от рыбной отпрыжки, но довёл задачу до конца: — Срочно. При нас.

Борисыч поник, сделался ещё более сгорбленным и маленьким, и оказалось, что пуловер ему вообще-то впору. А катышки на нём оттогло, что старик от волнения постоянно трет ладоши о живот...».

В какие-то моменты Буерашин кажется трагической фигурой: он скван одиночеством и непониманием, оторван от окружающего мира. Возвраща-

щение к себе, к своим берегам — главный оберег его на протяжении всей поломанной судьбы.

Суть романа «Реки помнят свои берега» в том, что идёт вечная борьба добра и зла, света и тьмы, человека и власти: поиска истины, правды, любви и счастья... А человек всегда должен оставаться Человеком!

Роман в современном литературном потоке поражает своей необычностью. Он по мере вдумчивого чтения открывает все новые и новые, мощные, глубинные грани. Его ценность возрастает по мере накопления тем или иным его читателем жизненного опыта и приобретением тех знаний, которые даёт именно изучение литературы, истории и религии. Для верхогляда — просто приключенческая повесть. Для памятливого — соль на рану пережитого. Для вдумчивого — глубинные слои романа, анализ и синтез русской духовности, самости, особости...

Иванов затрагивает самые прикровенные пласты понимания Жизни, Веры и Суты Человека. Но, отдадим ему должное, не уходит при этом в замученность, в ненужное усложнение, остаётся прост с простыми. Остаётся понятным собеседником, общение с которым возвышает, а не унижает.

При этом выраженные с виду простым языком, бесхитростно, казалось бы, лежащие на поверхности мысли автора заставляют задуматься о многих-многих вещах... Казалось бы — какая простая фраза, а вы только подумайтесь в нее: «Начальник... Остановился в улу, около огромного голуба. Повертел его. Земля закрутилась, замесилась материками и океанами. Где-то в этом круговороте крутились он сам, Георг, Максим Олч, Юрка Черёмухин с хлебозовкой. Горбачёв с Ельциным. Все вместе, в космос никто не улетел...».

Возможно, ответ на загадку этого романа лежит за гранью этого романа, по крайней мере, так проще относиться к загадкам.

Александр ЛЕОНИДОВ (Филиппов)